

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ
БАШКИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ**

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
КОНТРАСТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ,
ТИПОЛОГИИ ЯЗЫКОВ И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ
В ПОЛИЭТНИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ**

Материалы научной конференции

Часть II

**У ф а
РИЦ БашГУ
2011**

УДК 81
ББК 81
А43

Редакционная коллегия:

доктор филологических наук, профессор **Р.З. Мурясов**
(ответственный редактор);
доктор филологических наук, профессор **Р.Г. Гатауллин;**
доктор филологических наук, профессор **С.В. Иванова;**
доктор филологических наук, профессор **С.Г. Шафиков;**
доктор филологических наук, профессор **З.З. Чанышева**

**Актуальные проблемы контрастивной лингвистики,
типологии языков и лингвокультурологии
в полиэтническом пространстве: материалы научной
конференции. Ч.II /отв. ред. Р.З. Мурясов. — Уфа: РИЦ
БашГУ, 2011.—292 с.**

ISBN 978-5-7477-2803-5

В данный сборник включены статьи, посвященные исследованию языковых единиц разной степени сложности в контексте различных парадигм современной лингвистической науки: когнитологии, лингвокультурологии, социолингвистики, компаративистики. Очерченный выше круг проблем нередко переплетается с вопросами контрастивного и типологического языкознания.

УДК 81
ББК 81

ISBN 978-5-7477-2803-5

© БашГУ, 2011

7. Кирилина А.В. Стереотипное представление женщины в языке // Социально-правовой статус женщины в исторической ретроспективе. – Иваново, 1997.
8. Соколинская Е. Способы конструирования гендерной идентичности в дискурсе чата <http://www.nsu.ru>.
9. Трофимова Г.Н. Виртуальный обман зрения <http://www.gramota.ru/author.html#Трофимова>.
10. Трофимова Г.Н. Заходите в наш портал <http://www.gramota.ru/author.html#Г.Н.Трофимова>.
11. Eckert, P., McConnell-Ginet, S., Communities of Practice: Where Language, Gender and Power All Live // Language and Society (Reader). – UK, 1998.
© Н.Г.Асмус, 2011

УДК 81

Аухадиева Ф. С. (ст. препод. УдмуртГУ) О СУТИ И СУЩНОСТИ

Как известно, экзистенциально-бытийный глагол *быть* и его аналоги в других языках обладают рядом грамматических и словообразовательных особенностей. На эти и иные специфические черты данного глагола указывали многие ученые – Н.Д.Арутюнова, Э.Бенвенист, А.Бернацкая, О.Н.Селиверстова и др. На некоторых аспектах стоит, по-видимому, остановиться подробнее.

Многие содержательные особенности бывают обусловлены формальными основаниями, поэтому вполне целесообразно начать с грамматических особенностей. Супплетивизм форм характерен для большого количества индоевропейских языков. В русском языке можно встретить более или менее употребительные, а также вышедшие из употребления формы, которые все же узнаваемы носителями языка, такие как *быть, буду, буде, будучи, емь, суть, сущий*. Данное явление характерно для многих современных языков. В итальянском формы настоящего времени глагола *essere* – *sono, siamo, e*; в английском и немецком глаголы *to be* и *sein* также отличаются большим разнообразием форм: *am, are, was, were, being, bin, ist, war, gewesen*. Подобное наблюдается уже в древних языках – в старославянском (*jesm', sut', byti*), в древнегреческом (*eimi, esti, ousa, on*), латинском (*esse, sum, fui, futururus*) и других языках.

Формально-грамматические особенности не могут не отражаться на словообразовании описываемого глагола. Обращают на себя внимание частые случаи конверсии, что вполне логично объясняется многообразием различных основ, которые могут участвовать в словообразовании. В данной статье имеет смысл ограничиться примерами глагольных форм и дериватов, взятых из двух языков, русского и немецкого. Представляется

целесообразным остановиться на общих чертах и специфических особенностях двух базовых морфем, не относящихся к инфинитивам: *суть* - и *wes-*. Важно проследить не только формальное сходство или различие в способах словообразования, но и семантические особенности дериватов.

Относящаяся к третьему лицу множественного числа настоящего времени форма *sut'* нетематического глагола *byti* была употребительна еще в старославянском в качестве экзистенциального глагола, а также как глагол-связка, например, в Евангелии от Луки можно прочесть следующие строки: "... *ty vseгда s mnoju jesi. I v'sjo tvojo sut'*" (Лука, XV, 32). Глагол *byti* имел супплетивные основы *by-*, *bu-* и *su-*, которые имели большое значение не только в грамматике, но и в словообразовании. Поскольку в современном русском языке сфера употребления личных форм глагола *быть* в настоящем времени значительно сужена, то и форма третьего лица множественного числа *суть* в общелитературном языке встречается крайне редко, несколько чаще в научном контексте. В романе «Анна Каренина» Л. Н. Толстой, рассуждая об экономическом устройстве России, пишет следующее: «*Политическая экономия говорила, что законы, по которым развивалось и развивается богатство Европы, суть законы всеобщие и несомненные*» [Толстой 1967: 372].

Итак, глагольная словоформа *суть* употребляется редко, однако данная основа встречается и в причастии настоящего времени *сущий*, которое также является устаревшим, однако эта форма легко транспонируется, и дериваты достаточно часто употребляются в современном русском языке. Говоря о дериватах, следует также упомянуть *существо* и *сущность*, образованные суффиксальным способом, которые в свою очередь могут служить деривационной базой для множества слов, например, *сущностный*, *существовать*, *существенный*.

Девербативы *суть*, *существо* и *сущность*, как уже было отмечено, широко распространены в современном языке. Что касается их семантики, обращают на себя внимание некоторые особенности. Прежде всего, это некоторая семантическая размытость, свойственная как дериватам, так и самому глаголу *быть*. Еще одна особенность, связанная в определенной степени с первой, касается употребления – данные дериваты могут использоваться как синонимы. Действительно, можно сказать *суть проблемы*, *существо проблемы* и *сущность проблемы*. При этом весьма сложно уловить различия в семантике, хотя можно предположить наличие таковых. Учитывая вышесказанное, имеет смысл остановиться на каждом из них подробнее.

Существительное *суть* образовано от глагольной формы *суть* способом конверсии, т. е. без участия словообразовательного аффикса. Основа оканчивается на мягкую гласную, поэтому слово относится к существительным женского рода. Семантическая близость дериватов, о

которой было сказано выше, подтверждается данными словарных статей. В толковом словаре В.И. Даля *суть* определяется как «*сущность, существо, самость, основание, самое главное, важное в деле; зерно, ядро, мутро*» [Даль 1989: 365]. Иными словами, существительное *суть* описывает, отражает наиболее важные черты, свойства какого-либо предмета или явления. Можно сказать, например, *суть проблемы, суть вопроса, суть процесса*, т.е. в данном существительном выделяется не бытийно-экзистенциальная сторона глагола *быть* как способность к существованию или вид существования, а его связочная функция как способность быть своего рода показателем, знаком эквивалента в логической формуле-высказывании между логическим субъектом и логическим предикатом. Кстати заметить, о разных аспектах бытийного глагола писал еще выдающийся французский лингвист Эмиль Бенвенист [Бенвенист 2002: 205-209]. В связи с последним замечанием можно привести достаточно простой пример, могущий в определенной степени раскрыть семантику деривата *суть*: *Квадрат – есть прямоугольник* или аналогичные высказывания: *Квадраты – суть прямоугольники; кислоты – суть химические соединения; электроны, протоны и нейтроны – суть элементарные частицы*. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что все вышеперечисленные высказывания, коих можно привести великое множество, относятся в большинстве своем к научному и философскому контексту. При этом речь идет, как правило, о важных наиболее характерных признаках предметов, явлений, например, «*прямоугольность*» – *важное свойство, суть геометрической фигуры квадрат* и т.д. Данное объяснение представляется вполне возможным, и оно объясняет, почему *суть* не имеет прямого отношения к бытийности.

При этом может возникнуть по крайней мере два вопроса. Первый касается исключительно формы. Почему дериватом является *суть* (*проблемы*), а не **есть* (*проблемы*), ведь глагольная форма *есть* в современном языке встречается все же чаще и вполне может заменить собой глагольную форму *суть*. Второй вопрос касается употребления: Почему данное существительное употребляется с весьма ограниченным числом существительных? Ответить однозначно на эти вопросы невозможно. Попытка ответить на них наталкивается на такое препятствие, которое можно определить как проблема языковой нормы. Язык, как известно, предлагает носителям множество вариантов произнесения, сочетания фонем, в рамках фонетических законов конкретного языка; язык предоставляет разнообразные возможности образования грамматических форм, а также известные функционирующие продуктивные словообразовательные модели; он также располагает богатством возможностей сочетания единиц. Однако норма ограничивает и упорядочивает язык, не позволяя ему превратиться в бесформенную

сущность. Это все же не означает, что норма сковывает развитие языка, поскольку норма часто предполагает вариантность [Горбачевич 2009: 17-23]. Справедливости ради следует все же заметить, что явление языковой асимметрии, постоянно возникающее в языке, является определенным дисбалансом между означающим и означаемым, которое язык пытается уравновесить. В частности, известно, что звуковая оболочка *есть* в русском языке перегружена значениями, следовательно, не годится для нового означивания, тем более что она как словообразовательная база используется для образования существительного *естество*. Глагольная словоформа *суть*, напротив, почти вышла из обихода и практически не используется в языке – в качестве глагольной связки избыточна, однако она легко вписывается в новую парадигму существительного женского рода. Дериват *суть* не получил широкого распространения в языке. Гораздо более употребительными являются другие производные: *сущее*, *сущность*, *существо*.

Первое из них является производным от причастия настоящего времени, которое заимствовано из старославянского. [Фасмер 2007: 814] Данное причастие как таковое не является более употребительным, его заменило причастие от однокоренного глагола *существовать* – *существующий*. Причастие *сущее* в значении *существующее* транспонировалось в существительное, которое функционирует как философское понятия. Что касается прилагательного *сущее*, оно является разговорным, сфера употребления его сужена рамками словосочетаний: *сущий пустяк*, *сущая безделица*, *сущее безобразие*. Даль выделяет два основных его значения: *истинный*, *настоящий* и *весьма схожий* [Даль 1989: 365]. Здесь налицо значительный семантический сдвиг. Можно привести несколько интересных примеров. В повести А.С.Пушкина «Дубровский» есть диалог исправника и Кириллы Петровича: «*Да правда, зачем и ловить его. Разбои Дубровского благодать для исправников: разъезды, следствия, подводы, а деньга в карман. Как такого благодетеля извести? Не правда ли, господин исправник? – Сущая правда, ваше превосходительство, – отвечал совершенно смутившийся исправник*» [Пушкин 1987: 156]. Далее в повести следует повествование вдовы Анны Савишны Глобовой: «*...входит ко мне человек лет 35-ти, смуглый, черноволосый, в усах, в бороде, сущий портрет Кульнева...*» [Пушкин 1987: 157]. В «Арапе Петра Великого» бояре, осуждая одежду современных дам, высказываются: «*...исподницы напялены на обручи: в колымагу садятся бочком; в двери входят – нагибаются. Ни стать, ни сесть, ни дух перевести – сущие мученицы, мои голубушки*» [Пушкин: 1987, 20]. В романе Бориса Пастернака «Доктор Живаго» Борис Пастернак описывает бурные революционные события следующим образом: «*Вниз по улице валил народ, сущее столпотворение, лица, лица и лица, зимние пальто на вате и барашковые шапки, старики, курсистки и дети,*

путейцы в форме, рабочие трамвайного парка и телефонной станции в сапогах выше колен и кожаных куртках, гимназисты и студенты» [Пастернак: 2006, 52-53]. В романе Юрия Тынянова «Кюхля» речь заходит о новости, которую сообщают главному герою, но которая «оказалась, однако, *сущим пустяком*» [Тынянов: 1986, 198]. Как видно, большинство примеров означают истинный, настоящий: *настоящее столпотворение, настоящий пустяк, истинная правда*. Значение *схожий* можно считать устаревшим.

Суффиксальные производные *сущность* и *существо*, как уже было отмечено, могут употребляться как синонимы существительному *суть*. *Сущность предмета* как и *суть предмета* означает наиболее важное его свойство, в этом контексте оно является более употребительным. Данное существительное может относиться не только к предмету, явлению, но и к человеку, подчеркивая, как правило, его духовную составляющую. В «Докторе Живаго» автор описывает Лару, противопоставляя ее духовный и чувственные аспекты: «*Свой рост и положение в постели Лара ощущала сейчас двумя точками – выступом левого плеча и большим пальцем правой ноги. Это было плечо и нога, а все остальное – более или менее она сама, ее душа или сущность, стройно вложенная в очертания и отзывчиво рвущаяся в будущее*» [Пастернак: 2006, 41]. У Фазили Искандера в повести «Школьный вальс, или Энергия стыда» находим следующие размышления, касающиеся характера пушкинского Савельича: «*Дело в том, что рабство Савельича – это только внешняя оболочка его сущности*» [Искандер 1991: 336].

В современном русском языке девербатив *сущность* употребляется также для обозначения не объяснимых, с точки зрения современной науки не существующих оккультных проявлений, таких как *энергетические* или *астральные сущности*.

Производное *существо*, кроме уже упомянутого значения *главное, важное*, например, *существо дела, существо вопроса* служит для обозначения живого, одушевленного предмета. Чаще всего имеются в виду животные или человек. Очень часто можно встретить этот дериват в произведениях Достоевского, он характеризует своих героев как *большое существо* [Достоевский 1986: 404], *одно любимое и непростительное существо* [там же: 434], *возвышенное существо* [там же: 475], *какое-то живое существо, испуганное, дрожащее, полусумасшедшее* [там же: 477]. Юрий Живаго после мучительных скитаний *возвращается в любимый город*, герой воспринимает город как *что-то близкое и живое*. Пастернак пишет: «*Он часто останавливался и еле сдерживался, чтобы не упасть на землю и не целовать каменьев города, которого он не чаял когда-нибудь увидеть и в виду которого радовался, как живому существу*» [Пастернак 2006: 442].

Существует еще одно употребление этого слова, которое привлекает к себе особое внимание, поскольку соединяет в себе смы *сути, главного и существования*. Главное в живущем, существующем человеке является его душа. Если он желает чего-то сокровенного и важного, можно сказать, что он желает это *всей душой* или более того *всем своим существом*. Ниже приводится несколько примеров, подтверждающих последнюю мысль. «У Юрия Андреевича разрывалось сердце. *Всем существом своим он хотел схватить мальчика на руки, прижать к груди и бежать с ним без оглядки куда глаза глядят*» [Пастернак 2006: 460]. «*Все мое существо удивлялось и спрашивало: если так больно любить и поглощать электричество, как, вероятно еще больнее быть женщиной ...*» [там же: 500]. «*Какой то венец совместности, ни сторон, ни степеней, ни высокого, ни низкого, равноценность всего существа, все доставляет радость, все стало душой*» [Пастернак 2006: 509].

Далее следует обратиться к немецкой основе второго партиципа *wes-*. Она, как известно, восходит к древневерхненемецкому глаголу *wēsan*, в образовании форм которого участвуют три корня: формы *Präsens* образуются с помощью корней *es-* и *bh-*, формы *Präterit* и *Infinitiv* имеют основу *wēs-*. В средневерхненемецком существует две формы инфинитива данного глагола – *sin* и *wēsen*. В позднем древневерхненемецком появляется инфинитив *sin*, образованный от основы опатива *si-* [Жирмунский 1965: 288]. Супплетивные формы этого глагола сохраняются и в современном немецком языке, сегодня можно наблюдать большое разнообразие личных, неличных, временных форм и форм наклонений: *bin, ist, sind, sei, war, wäre, sein, gewesen* – как видно, историческое развитие отразилось в этом глаголе наиболее полно так, что, несмотря на многовековое развитие, сохранились в несколько измененной форме практически все основы. Следует напомнить, что в языке до сих пор существует глагол *wesen*, означающий *пребывать где-либо*, глагол является устаревшим, он восходит к тому же древневерхненемецкому глаголу *wēsan* [Duden 1985: 1807].

Данная основа является производящей, прежде всего, следует назвать существительное *das Wesen*. Оно имеет четыре основных значения. Оно означает характерное, существенное какой-либо вещи или явления, которое его отличает от других, например, *das Wesen der Kunst, das Wesen der Natur*.

Следующее значение отражает сумму духовных качеств человека, обуславливающих его поведение, образ мыслей, т.е. характер, нрав, который человек может иметь: *Er hat ein freundliches (mürrisches, schroffes, stilles, unruhiges) Wesen*. [Paffen 1974: 1497] *Auch ist es mir, als hätten wir damals ein sehr umständliches Gespräch geführt, das dem Wesen meines Partners entsprach, worin ich bemüht war, einen ständig wiederkehrenden Einwand zu widerlegen, der aus einer merkwürdigen Behauptung bestand, die mir entfallen ist*. [Dürrenmatt 1996: 46].

Еще одно значение относится к сущностям или живым существам, включая человека, которые могут существовать на самом деле или только в человеческом воображении, например *das höchste Wesen*, *das irdische Wesen*, *das menschliche Wesen*, *das weibliche Wesen*, *das fantastische Wesen*. В следующем примере из романа Фридриха Дюрренматта «Юстиция» речь идет о маленьком человеке с весьма странной внешностью, поэтому автор при его описании прибегает к существительному *das Wesen*: «*Die Usbeken erhoben sich. Jener, der das Wesen hereingetragen hatte, nahm es wieder auf die Arme*» [Dürrenmatt 1996: 706]. Говоря о близком человеке, в русской культуре также принято называть его *любимым*, *близким* или *родным существом*. Подобное можно наблюдать в немецком языке: «*Er reiste den Gespinsten nach, rang in den Ausschüssen um nebelhafte Menschenrechte, die nicht erkämpft wurden, es war ganz überflüssig, daß er in den Ausschüssen agierte, er würde für niemand etwas erreichen, aber er reiste hin und ließ Elke, das einzige Wesen, das ihm anvertraut, das seine Aufgabe war, in Verzweiflung verfallen*» [Koeppen 1989: 21]. Что касается выражения *das höchste Wesen*, здесь имеется в виду высшее существо, Бог: «*Ich werde ihn an seine Vergangenheit erinnern: Er gab die Existenz eines höchsten Wesens zu*» [Dürrenmatt 1996: 378].

В словарях выделяется еще одно значение, которое несет в себе некоторые негативные коннотации. Оно является устаревшим и ограничивается рамками небольшого числа выражений, таких как *viel/ wenig Wesen aus/von/ um etwas machen* или *sein Wesen treiben*.

Партицип второй глагола *sein* может также подвергаться транспозиции. При этом образуется существительное *das Gewesene*, означающее «прошедшее». Значение прошедшего происходит из формы адъективированного партиципа, который синонимичен прилагательному *ehemalig*: *ehemalige/gewesene Sängerin*. Следует вспомнить, что партицип второй, образованный от глаголов, которые не являются переходными, имеет значение предшествования или завершенности процесса или действия. В данном случае речь идет о глаголе, который не выражает ни действие, ни процесс, он не относится к группе предельных глаголов, тем не менее, партицип второй от глагола *sein*, *gewesen* употребляется в атрибутивной функции.

Итак, можно сделать некоторые выводы. При всех имеющихся различиях между русскими и немецкими девербативами наиболее близкими по семантике являются существительные *суть*, *сущность*, *существо* и *das Wesen*. Их объединяет наличие сем: *важное*, *главное*, а также *существующее*.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бенвенист Э. Общая лингвистика. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 448 с.
2. Горбачевич К.С. Вариантность языка и языковая норма. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 240 с.
3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. – Т.4. – М.: Русск. яз. 1991. 684 с.
4. Достоевский Ф.М. Бедные люди; Белые ночи; Неточка Незванова; Униженные и оскорбленные. – М.: Худож. лит., 1986. 591 с.
5. Жирмунский В.М. История немецкого языка. М.: Высшая школа, 1965. – 408 с.
6. Искандер Ф. Стоянка человека. Повести и рассказы. – М.: Правда, 1991. 480 с.
7. Пастернак Б. Доктор Живаго. – М.: Эксмо. 2006. 640 с.
8. Пушкин А. С. Сочинения. В 3-х т. – Т. 3. Проза. – М.: Худож. лит., 1987. 527 с.
9. Толстой Л.Н. Анна Каренина. Ч. 1-4. – Л.: Худож. лит-ра. 1967. – 470 с.
10. Тынянов Ю.Н. Кюхля. Рассказы. М.: Правда, 1986. 560 с.
11. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4-х т. – Т. 3. – М.: Астрель: АСТ, 2007. 830 с.
12. Duden Deutsches Universalwörterbuch / 5., überarbeitete Auflage. – Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich: Dudenverlag, 1985, S.1892.– 1892 S.
13. Dürrenmatt F. Gesammelte Werke in sieben Bänden. Band III. – Zürich: Diogenes Verlag A G. 1996. – 730 S.
14. Dürrenmatt F. Gesammelte Werke in sieben Bänden. Band IV. Romane. – Zürich: Diogenes Verlag A G. 1996. – 930 S.
15. Dürrenmatt F. Gesammelte Werke in sieben Bänden. Band V. Erzählungen. Zürich: Diogenes Verlag A G. 1996. 552 S.
16. Koeppen W. Das Treibhaus. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag. 1989. 190 S.
17. Paffen K.-A. Deutsch-russisches Satzlexikon. Leipzig: VEB Enzyklopädie. 1974. 1686 S.

© Ф.С.Аухадиева, 2011

УДК 81

Галочкина М.В. (доц. БГПУ им. М. Акмуллы)

АТИПИЧНОЕ ИЗЪЯСНИТЕЛЬНОЕ СЛОЖНОПОДЧИНЕННОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ КАК РЕПРЕЗЕНТАТОР КОНЦЕПТА «СУБЪЕКТНОСТЬ»

В языковом сознании людей отражается объективная действительность. «Воспринимаемый предмет или фрагмент реального мира, – пишет Г.В.Глухов, не прямо переходит в мир мысли, а мысль не